Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-175-180

КАМОЛЗОДА Амриддин Камол,

адъюнкт адъюнктуры Омская ордена Почета академии МВД России, г. Омск,

e-mail: amrik220889@mail.ru

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ ИЛИ УЧАСТИЯ В НЕМ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. *В статье представлена уголовно-правовая характеристика субъекта и субъективной стороны организации незаконного вооружённого формирования или участия в нем по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Изучен вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за анализируемые преступления. Проведён анализ прямого умысла у организаторов незаконного вооружённого формирования (далее – НВФ), участников и лиц, осуществляющих финансирование НВФ. Отдельное внимание уделено целям совершения рассматриваемых преступлений. Делаются выводы относительно отдельных признаков субъективной стороны преступления, включающих прямой умысел как форму вины, выделяются цели и мотивы совершения организаторских действий, действий лица, осуществляющего руководство НВФ, его финансирование, а также участника такого формирования.*

Ключевые слова: *незаконное вооружённое формирование, преступление, субъект преступления, субъективная сторона преступления, квалификация преступления, прямой умысел, цель совершения преступления, мотив совершения преступления.*

KAMOLZODA Amriddin Kamol,

Adjunct of the adjuncture of the Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

THE SUBJECT AND SUBJECTIVE SIDE OF THE ORGANIZATION OF AN ILLEGAL ARMED FORMATION OR PARTICIPATION IN IT UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Annotation. *The article presents a criminal law characterization of the subject and the subjective side of organizing an illegal armed formation or participating in it under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The issue of lowering the age of criminal responsibility for the analyzed crimes is examined. An analysis is conducted of the direct intent of the organizers of an illegal armed formation (hereinafter – IAF), participants, and persons financing the IAF. Special attention is paid to the purposes of committing the considered crimes. Conclusions are drawn regarding certain features of the subjective side of the crime, including direct intent as a form of guilt, highlighting the goals and motives of the organizer's actions, the actions of a person managing the IAF, its financing, as well as those of a participant in such a formation*.

Key words: *illegal armed formation, crime, perpetrator of a crime, subjective side of a crime, qualification of a crime, direct intent, purpose of committing a crime, motive for committing a crime.*

Введение.

Большое значение для квалификации имеют субъективные признаки преступления, предусмотренные в ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации» и ст. 185 УК РТ «Организация незаконного вооруженного формирования». В ряде случаев по этим признакам происходит разграничение между преступным и непреступным поведением, между сходными по объективным признакам составами преступлений и определение степени общественной опасности преступления и личности преступника.

Методы.

Методологическая основа исследования основывается на общенаучных и специальных методах научного познания: формально–

юридический, сравнительно–правовой, анализа, синтеза.

Результаты.

В уголовном праве господствует точка зрения, что субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста уголовной ответственности.

Следовательно, преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ может совершить любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Согласно ст. 20 УК РФ возраст уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ, составляет 16 лет. Согласно ст. 23 УК РТ предусмотрен аналогичный возраст ответственности по ст. 185 УК РТ.

Вменяемость как признак субъекта, предполагает, что преступник должен понимать противоправность и общественную опасность своих действий и способен руководить своими действиями.

Вменяемость – это способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Это предпосылка вины и ответственности: если лицо не могло осознавать значение своих поступков, или руководить своими действиями, оно не может быть признано виновным в уголовно-правовом смысле. Понятие вменяемости раскрывается через его противоположность – невменяемость, которая определена в ст. 21 УК РФ.

Лицо признается невменяемым, если одновременно установлены два критерия: медицинский (биологический) критерий: Наличие у лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики; юридический (психологический) критерий: Лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (интеллектуальный момент) или не могло руководить ими (волевой момент).

Отсутствие хотя бы одного из этих критериев означает, что лицо является вменяемым и подлежит уголовной ответственности [16].

Определённый интерес вызывает соотношение возраста и вменяемости. Достижение установленного законом возраста (например, 16 лет по ст. 208 УК РФ) само по себе не означает автоматической вменяемости. Несовершеннолетний или взрослый может страдать психическим расстройством, исключающим его способность к осознанию и волевому контролю. Следовательно, возраст уголовной ответственности устанавливает потенциальную возможность быть субъектом преступления, а вменяемость определяет фактическую возможность нести за него ответственность в конкретном случае. Возрастная планка в 16 лет предполагает, что у нормально развивающегося лица к этому времени формируется достаточная интеллектуальная и волевая зрелость, но это предположение может быть опровергнуто данными о психическом состоянии.

Таким образом, вменяемость является фундаментальным, наряду с возрастом, признаком субъекта преступления. Она отражает принцип субъективного вменения и справедливой ответственности, согласно которому наказывается только то деяние, в котором проявилась сознательная воля и разум лица. Исследование вменяемости в каждом конкретном деле – это гарантия защиты прав лиц с психическими расстройствами и одновременно условие обоснованного привлечения к ответственности тех, кто способен нести за свои поступки уголовное наказание. В контексте составов преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ, лицо должно не только достичь 16 лет, но и обладать психической способностью осознавать характер и общественную опасность создания или участия в незаконном вооруженном формировании, а также способностью руководить своими действиями.

Возрастная планка уголовной ответственности в возрасте 16 лет обусловлена достижением достаточной эмоциональной, интеллектуальной и духовной зрелости для осознания ответственности перед обществом. В контексте статьи 208 УК РФ это значит, что лицо должно осознавать последствия создания или участия в НФВ [1, с. 82].

НВФ могут в своём составе включать несовершеннолетних. По данным ЮНИСЕФ (англ. UNICEF) – Международного чрезвычайного фонда помощи детям при Организации Объединенных Наций, – дети часто вербуются или похищаются для участия в конфликтах; по всему миру сотни тысяч детей участвовали в вооружённых конфликтах [2, с. 24].

Некоторые юристы предлагают снизить возраст уголовной ответственности по статье 208 УК РФ до 14 лет. Однако П.В. Агапов возражает, аргументируя это тем, что законодатель, установив 16-летний возраст, учёл способность человека к этому возрасту осознавать общественную опасность подобной деятельности [3, с. 7].

Это мнение следует поддержать, так как несовершеннолетние младше 16 лет часто не осознают общественной опасности участия

в незаконных вооружённых формированиях, воспринимая его как традицию, игру или следование за сверстниками.

Несовершеннолетние в возрасте 14 лет, участвующие в незаконных вооружённых формированиях, несут ответственность за конкретные преступления (убийство, грабёж и т.д.), совершенные в составе формирования, но не привлекаются к ответственности по ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ.

Субъективная сторона преступления представляет собой психическое отношение виновного к совершенному преступлению, а также к возникающим преступным последствиям. В субъективную сторону включается форма вины, которая может быть представлена в виде умысла или неосторожности, также цель, мотив и эмоции преступника.

Вина, как обязательный признак субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ, характеризуется прямым умыслом, то есть осознанием противоправности и общественной опасности деяния и желанием совершить это деяние.

Преступление, согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Прямой умысел включает предвидение последствий либо как неизбежных, либо как возможных (с разными вариантами). В прямом умысле значение имеет волевой момент, который состоит в желании лица наступления преступных последствий, которые могут являться окончательной целью совершения преступления либо средством, используемым для его совершения [4, с. 73].

Описанные признаки прямого умысла относятся к материальным составам преступлений, где общественно опасные последствия являются обязательным элементом. В формальных составах последствия напрямую не влияют на квалификацию совершенного преступного деяния, однако могут учитываться при назначении меры наказания [5, с. 124].

Существует точка зрения учёных о том, что умысел в формальных составах преступлений состоит из желания преступника совершить преступление. Представляется, что данная точка зрения является спорной, потому что происходит необоснованное перенесение акцента с желаемых последствий на совершение преступления.

Вышеизложенная точка зрения относительно желания преступника совершитьпреступления, если говорить о формальных составах, противоречит определению умысла в ст. 25 УК РФ. Это не означает отсутствие воли к совершению преступления, но волевой момент, связанный с последствиями, не влияет на квалификацию действий преступника [6, с. 20].

Осознание общественной опасности деяния включает понимание его фактического характера, социальной значимости (посягательства на определённый объект) и противоправности.

В преступлениях по ст. 208 УК РФ ключевым является осознание незаконности вооружённого формирования. Судебная практика (например, дело К.) подтверждает это: осуждённый осознавал противоправность деятельности НВФ, разделял его цели и добровольно участвовал, выполняя приказы [17].

Понимание прямого умысла у организаторов, руководителей, лиц, осуществляющих финансирование НВФ, и простых участников, требует анализа, учитывающего специфику действий каждой из этих категорий. Умысел у них различается.

Различия в умысле участников НВФ не исключают наличия совместного умысла, характерного для соучастия. Совместный умысел подразумевает взаимное знание о действиях друг друга и единое преступное намерение. К примеру, организатор НВФ осознает общественную опасность своих действий по формированию вооружённой группы.

Так, организатор НВФ осознает:

фактический характер своих действий по созданию боеспособного формирования;

социальную опасность этих действий;

противоправность своих действий.

Организатор НВФ не обязан знать конкретную статью УК РФ, регламентирующую уголовную ответственность за совершение преступления, хотя такие знания часто присутствуют. Достаточно понимания отсутствия правовых оснований для создания НВФ [7, с. 78].

Понимание противоправности создания НВФ основывается на знании общественно-политической ситуации преступником, на использовании в СМИ таких терминов, как «незаконные формирования», на отсутствии официального признания таких групп, их преступной идеологии [8, с. 81].

Лицо, осуществляющее руководство НВФ осознает общественную опасность своих действий по управлению формированием. То есть, преступник понимает, что координирует действия участников для поддержания боеспособности НВФ; осознает угрозу, которую

представляет сохранение и функционирование такой группы (использование социальной среды для преступлений или мотивации участников); и понимает противоправность своих действий (отсутствие законных оснований для существования НВФ) [9, с. 8].

Осознание опасности своих действий лицом, осуществляющим руководство НВФ схоже с аналогичным осознанием, которое проявляется у лица, создавшего НВФ, поскольку оба выполняют лидерские функции, причём лица, создавшие НВФ, часто и занимаются в последующем его руководством.

Лицо, осуществляющее финансовую поддержку НВФ, осознает, что

его действия в части финансирования существенно поддерживают боеспособность уже существующего формирования;

его финансирование способствует сохранению и функционированию НВФ (используется для преступлений или мотивации участников);

финансирование НВФ противоправно (отсутствуют законные основания для оказания такой помощи) [10, с. 49].

Участник НВФ осознает общественную опасность своего участия: он понимает свой вклад в поддержание боеспособности уже существующего формирования; осознает угрозу, которую представляет существование НВФ (использование социальной среды для преступлений или мотивации участников); и понимает незаконность своего участия (отсутствие правовых оснований для существования НВФ).

Преступления, указанные в ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ, характеризуются прямым умыслом, включающим осознание каждым участником НВФ фактического характера, общественной опасности и противоправности своих действий и желанием осуществлять эти действия.

Статья 208 УК РФ не определяет цели создания НВФ, однако некоторые авторы связывают их с экстремизмом. Так, Ю.М. Антонян и М.Д. Давитадзе указывают на такие возможные цели:

установление нового политического режима (в интересах какой-либо группировки);

определение возможного лидера в группе;

совершение действий, направленных на свержение государственных органов;

отделение территории и образование возможного независимого государства или объединение с другим государством;

изменение статуса территории [11, с. 328].

Для достижения указанных целей НВФ могут использовать нападения на гражданских лиц, правоохранительные органы, военных, включая массовые убийства, террористические акты и диверсии. Судебная практика также связывает создание НВФ с совершением террористических преступлений. Например, Заводской районный суд г. Грозного в своём приговоре назначил наказание гражданину А., создавшему НВФ. Причём целью такого формирования выступало изменение основ конституционного строя РФ, нарушение территориальной целостности и совершение преступлений, направленных против органов государства [18].

Некоторые исследователи предлагают указать цели в ст. 208 УК РФ, чтобы отличать НВФ от других вооружённых групп (банд, преступных сообществ, экстремистских и террористических организаций), чётко установив на какой объект направлены преступные посягательства, что позволит избежать противоречий с другими статьями уголовного закона.

Определение целей в анализируемой ст. 208 УК РФ было бы оправдано, если бы все НВФ преследовали только экстремистские цели. Однако судебная практика показывает, что НВФ могут создаваться и для совершения общеуголовных преступлений.

С.Ф. Милюков предлагал определить цель НВФ как совершение любых общественно опасных деяний [12, с. 26]. С.В. Розенко подверг критике данное научное предложение, указывая на трудности разграничения НВФ от банды или преступного сообщества при совпадении признаков вооружённости и цели [13, с. 135].

Разнообразие целей НВФ делает нецелесообразным их включение в ст. 208 УК РФ, поскольку это может затруднить привлечение к ответственности участников с недостаточно чётко обозначенными целевыми ориентирами.

Поэтому следует присоединиться с научной точки зрения о том, что цели создания НВФ не должны быть законодательно закреплены. Общественная опасность НВФ определяется не столько его целями, сколько его существованием как деструктивной силы, представляющей угрозу терроризма, экстремизма, массовых беспорядков и других преступлений. НВФ – это незаконная альтернатива государственным силовым структурам [14, с. 17].

Любое умышленное действие совершается из определённых побуждений. В уголовном праве мотив – это осознанный и конкретный интерес, ставший причиной преступления. Если мотив является элементом состава преступления, он определяет его квалификацию [15, с.168].

Статья 208 УК РФ не устанавливает конкретных мотивов и целей преступления, однако они важны для оценки личности преступника и смягчающих/отягчающих обстоятельств. Участие

в незаконных вооружённых формированиях обычно обусловлено экстремистскими мотивами, определёнными в пункте «е» части 1 статьи 63 и части 2 примечания к ст. 2822 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации».

Мотивация лидеров и рядовых участников незаконных вооружённых формирований различна. Лидеры часто руководствуются нарциссизмом, стремлением к власти и радикальным общественным преобразованиям. Рядовых участников мотивируют более простые факторы: желание самоутвердиться, доминировать, идеализированные представления о спасении нации, поиск острых ощущений, романтика, а также корыстные интересы.

Мотивы и цели организаторов, руководителей, участников и лиц, финансирующих незаконные вооружённые формирования, не влияют на квалификацию их деяний согласно ст. 208 УК РФ, поскольку в ней не указаны.

Эмоциональное состояние лица, совершающего преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ, не является обязательным признаком составов данных посягательств, однако оказывает непосредственное влияние на особенности уголовной ответственности в следующих аспектах.

Во-первых, эмоции (страх, принуждение) позволяют отграничить добровольное участие в НВФ от участия под воздействием физического или психического принуждения, что может влечь применение ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость», или ст. 40 УК РФ «Физическое или психическое принуждение» и исключение преступности деяния по данным обстоятельствам.

Во-вторых, эмоциональное состояние, сопровождающее особую жестокость, глумление над жертвой, совершенное в рамках деятельности НВФ, может влечь, например, дополнительную квалификацию по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство» и иным насильственным составам, изменяя правовую оценку содеянного в совокупности.

В-третьих, наличие эмоционально-волевых расстройств влияет на решение вопроса о вменяемости (ст. 21 УК РФ) или ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), что определяет наличие или отсутствие субъекта преступления, а в случае ограниченной вменяемости – учитывается при назначении наказания.

В целом, эмоциональное состояние не влияет на квалификацию по ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ.

Заключение

Таким образом, субъективные признаки преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ, включающие субъекта (физическое лицо, возраст и вменяемость), субъективную сторону (прямой умысел, факультативно – цель, мотив и эмоции) обеспечивают разграничение преступного и непреступного поведения, отграничение от смежных составов преступлений, а также служат гарантией справедливого и индивидуализированного наказания, основанного на принципе субъективного вменения.

Список литературы:

[1] Грачева Ю.В. Незаконное вооружённое формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования // Lexrussica. 2018. № 7. С.82-91.

[2] Дзюба Д.И. Незаконные вооружённые формирования и захват заложника: характеристики и тен¬денции // Терроризм в России и проблемы системного реагирования. М., 2004. 178 с.

[3] Агапов П. Преступления против общественной безопасности, сопряжённые с организованной преступной деятельностью: комментарий М., 2013. 100 с.

[4] Нафиков М.М. Понятие незаконного вооружённого формирования: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №3. С.73-76.

[5] Акимочкин В.И., Кораблёва С.Ю. Виды умысла и их влияние на квалификацию // Бизнес в законе. 2012. №2. С.124-130.

[6] Бавсун М.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны : учебное пособие для вузов / М. В. Бавсун, С. В. Векленко. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 143 с.

[7] Фаргиев И.И. Некоторые дискуссионные вопросы понятия «незаконное вооружённое формирование» // Вопросы российского и международного права. 2020. Т.10-1. С.78-84.

[8] Бриллиантов А.В. Незаконное вооружённое формирование: вопросы квалификации // Российское правосудие. 2014. №3. С.81-89.

[9] Смирнов И.О. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооружённого формирования или участия в нем : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2014. 22 с.

[10] Грачёва Ю.В. Незаконное вооружённое формирование (ст.208 Уголовного кодекса РФ): современные проблемы толкования // Союз криминалистов и криминологов. 2018. №2. С.49-52.

[11] Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения: учеб. посо¬бие. М.: Щит-М, 2004. 367 с.

[12] Милюков С.Ф. Российское уголовное

законодательство : опыт критического анализа : монография. СПб., 2000. 276 с.

[13] Розенко С.В. Проблемы отграничения НВФ от смежных составов преступления // Российский юри¬дический журнал. 2003. № 3. С. 135-136.

[14] Аджиев А.Д. Организация незаконного вооружённого формирования или участия в нем (уголовно-правовые аспекты): автореф. дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 26 с.

[15] Бехоева Х.Л.-А. Об уголовно-правовой характеристике организации незаконного вооружённого формирования // Общество и право. 2020. № 4. С. 168-170.

[16] См. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарог; 13-е изд., перераб. и доп.). – «Проспект», 2022 г. // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: https://demo.garant.ru/ (дата обращения: 02.04.2026).

[17] Приговор Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 9 июля 2012 г. № 1- 107/2012 г. [Электронный ресурс]. // Правосудие: государственная автоматизирован¬ная система РФ. UPL: http:// www.sudrf.ru (дата обращения: 06.12.2024).

[18] Приговор Заводского районного суда г. Грозный Чеченской Республики от 25 апреля 2011 г. по обви¬нению Алиева А.И. Дело № 1-47/2011 [Электронный ресурс] // Правосудие: государственная автоматизирован¬ная система РФ. UPL: http: // http://www.sudrf.ru (дата обращения: 06.12.2024).

References:

[1] Gracheva Yu.V. Illegal armed formation: the state and prospects of criminal law regulation// Lexrussica. 2018. № 7. S.82-91.

[2] Dziuba DI. Illegal armed groups and hostage-taking: characteristics and ten ¬ days// Terrorism in Russia and the problems of systemic response. M., 2004. 178 pp.

[3] Agapov P. Crimes against public security associated with organized criminal activity: comment M., 2013. 100 s.

[4] Nafikov M.M. The concept of illegal armed formation: criminal-legal and criminological aspects//Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. №3. S.73-76.

[5] Akimochkin V.I., Korableva S.Yu. Types of intent and their impact on qualifications//Business in law. 2012. №2. P.124-130.

[6] Bavsun M.V. Qualification of crimes on the grounds of subjective side: a textbook for universities/M.V. Bavsun, S.V. Veklenko. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 143 p.

[7] Fargiev I.I. Some controversial issues of the concept of "illegal armed formation "//Questions of Russian and international law. 2020. T.10-1. S.78-84.

[8] Diamonds A.V. Illegal armed formation: qualification issues//Russian justice. 2014. №3. S.81-89.

[9] Smirnov I.O. Criminal law characterization of the organization of an illegal armed formation or participation in it: abstract of dis.... Candidate of Law. Yekaterinburg, 2014. 22 pp.

[10] Gracheva Yu.V. Illegal armed formation (Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation): modern problems of interpretation// Union of Criminologists and Criminologists. 2018. №2. S.49-52.

[11] Antonyan Yu.M., Davitadze M.D. Ethno-religious conflicts: problems, solutions: study. poso ¬ bie. M.: Shield-M, 2004. 367 pp.

[12] Milyukov S.F. Russian criminal legislation: experience of critical analysis: monograph. St. Petersburg, 2000. 276 pp.

[13] Rosenko S.V. Problems of distinguishing illegal armed groups from related corpus delicti// Russian Juri ¬ Journal. 2003. № 3. S. 135-136.

[14] Adzhiev A.D. Organization of illegal armed formation or participation in it (criminal law aspects): author. diss. cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2009. 26 pp.

[15] Behoeva H.L.-A. On the criminal legal characteristics of the organization of an illegal armed group//Society and law. 2020. № 4. S. 168-170.

[16] See Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (collective of authors; rev. ed. Doctor of Legal Sciences, prof. A.I. Rarog; 13th ed., Revised. and add.). - "Prospect," 2022// Reference and legal system "Garant." -URL: https:// demo.garant.ru/ (access date: 02.04.2026).

[17] Verdict of the Urvan District Court of the Kabardino-Balkarian Republic dated July 9, 2012 No. 1-107/2012 [Electronic Resource] .//Justice: the state system is automated ¬ the Russian Federation. UPL: http://www.sudrf.ru (accessed on: 06.12.2024).

[18] Verdict of the Zavodskoy District Court of the city of Grozny of the Chechen Republic dated April 25, 2011 on the conviction ¬ A.I. Aliyev. Case No. 1-47/2011 [Electronic resource]//Justice: state automated ¬ system of the Russian Federation. UPL: http :// http://www.sudrf.ru (accessed on: 06.12.2024).